

К вопросу о составе и численности польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 г.

Одним из крупнейших событий кампании 1514 г., наряду с падением Смоленска, стала битва под Оршей между польско-литовской и русской армией. Однако приходится констатировать: не существует труда, в котором бы взвешенно, с использованием современных методов исторических исследований проводился анализ одного из главных событий этой кампании. Во многом Оршанское сражение оказалось мифологизированным.

Традиционная версия событий о грандиозном разгроме восьмидесятитысячной армии московитов почти в три раза меньшими силами великого князя литовского была изложена в классических трудах Н. М. Карамзина¹, Н. С. Арцыбашева² и С. М. Соловьева³. Вслед за ними и другие историки в своих трудах пересказали эту ставшую официальной польско-литовскую версию событий. Практически в своем первоизданном виде она прочно вошла в историографию⁴.

Нельзя сказать, что за последние годы что-либо изменилось. В литературе по-прежнему господствуют штампы и аксиоматические утверждения. Из работы в работу кочуют пересказы о грандиозной победе литвинов над преобладающим войском московитов, несмотря на то, что все они основаны исключительно на нарративных свидетельствах с явными пропагандистскими сюжетами. С конца 1514 г. такие утверждения в более-менее неизменной форме просуществовали вплоть до начала XXI в.

В некоторых новейших работах дискуссия о значении Оршанской битвы часто идет с идеологических и политических позиций. Это напоминает скорее эмоциональные выпады, нежели исторические исследования. Одна крайность – это когда в угоду какой-либо политической конъюнктуре преувеличиваются и превозносятся итоги сражения⁵;

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. СПб., 1819. С. 69–70.

² Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. II. Кн. III. М., 1838. С. 97–99.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. Ч. 2. М., 1959. С. 246.

⁴ Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 105–106; Военная энциклопедия. Т. XVII. Петроград, 1914. С. 186–187; Русская военная сила. Т. I. М., 1892. С. 117; Волков В. Войны и войска Московской Руси. М., 2004. С. 57; *Zarys dziejów wojskowości Polski do roku 1864*. Т. I: Do roku 1648. Warszawa, 1965. S. 331–336.

⁵ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. I. Мінск, 1993. С. 187–188; Беларуская Энциклапедыя. Т. I. Мінск, 1996. С. 537–538; Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск, 2000. С. 288

другая крайность – стремление представить кампанию 1514 г. как братоубийственную войну, главным поджигателями которой являлись Ватикан и Польское королевство⁶. Подобные идеологические баталии, напоминающие метания из крайности в крайность, служат только во вред исторической науке, призванной изучать прошлое с опорой на принципы историзма.

Как правило, в большинстве работ ситуация с подбором и критикой источников плачевна. Часто историки не озадачивались проблемой их достоверности, цитируя и пересказывая порой даже пропагандистские сведения без всяких оговорок. Скудность источниковой базы невольно ведет к простому изложению традиционных версий, которые со временем приобретают характер аксиоматических утверждений. Даже в тех работах, в которых ставились под сомнение соотношение и численность сторон, а также масштабы политических последствий битвы⁷, проблема критики исторических источников затрагивается лишь вскользь.

Таким образом, наряду со скудной источниковой базой выявляется еще одна проблема – отсутствие адекватных методик изучения документальных материалов.

В последнее время наметились новые подходы в исследованиях, которые основаны как на анализе всей источниковой базы, так и на принципах «военной логистики» и критического пересмотра традиционных схем. Применение новых методик к изучению военно-исторических аспектов неизбежно приводит к кардинальному пересмотру существующих историографических парадигм. Изложенные в предлагаемой работе наблюдения являются частью общей работы над изучением Оршанской битвы⁸.

Прежде всего, необходимо выделить круг письменных памятников. Корпус западноевропейских источников достаточно велик, но нельзя сказать, что в нем хватает информации для полной реконструкции Оршанской битвы. Отрывочность сведений,

Сагановіч Г. Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Мінск, 1994. С. 55; Он же. Айчыну сваю баронячы: Канстанцін Астрожскі. Мінск, 1992. С.35-37 и др.

⁶ Амбаржевич Н. Оршанская битва 1514 г.: военно–исторический аспект. Минск, 2003. Данное издание подготовлено Институтом социально–политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь.

⁷ Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из–за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник Историко–филологического общества при Институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин, 1899. С. 173–289; Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1999. Т. II. С. 351–352.

⁸ Отдельные положения, в частности, касающиеся методики подсчета русской армии в 1514 г., изложены в дискуссии, организованной журналом «Петербургские славянские и балканские исследования» в 2009 г. См. «...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в русской армии в XVI в.? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1. (в печати).

противоречивость, умышленно искаженная информация – все это особенно характерно для нарративного материала польско-литовского происхождения. Помимо того, что в данных источниках нашли свое отражение большей частью субъективные интересы победителей, руководствовавшихся пропагандистскими целями, эта информация могла быть ложной, что также следует учитывать.

Войне с «московитами» уделили внимание почти все польские хронисты XVI в., среди которых особо следует выделить хроники И. Деция⁹, Б. Ваповского¹⁰, М. Бельского¹¹, М. Стрыйковского¹², С. Сарницкого¹³ и др. В 1514-1515 гг. в Кракове было издано более десяти панегирических сочинений, прославлявших победу над московитами. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде рассмотрены в работах польских и литовских историков¹⁴.

Другой корпус источников – собрание дипломатических документов *Acta Tomiciana*, содержащее реляции, переписку, инструкции и т.д. – дошел до наших дней благодаря труду секретаря королевы Боны Станислава Гурского. Он в 1525-1535 гг. работал в канцелярии коронного подканцлера епископа Петра Томицкого и собирал материалы, часть из которых относятся к «оршанскому триумфу». С. Гурский оставил подробное описание сражения под Оршей, в основу которого легла официальная трактовка битвы, вышедшая из королевской канцелярии¹⁵.

В сочинении С. Гурского приводится общая численность в 30000 конницы и 3000 пехоты (*«sujus non amplius XXX milia equitum, peditum tria milia fuere»*)¹⁶. Именно эта цифра и использовалась впоследствии в традиционной историографии. Но в других

⁹ Decius I. L. De vetustatibus Polonorum liber I. De Jagellonum familia liber II. De Sigismundi regis temporibus liber III. Cracoviae, 1521.

¹⁰ *Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores Rerum Polonicarum. T. II. Cracoviae, 1874.*

¹¹ Bielski M. *Kronika / Wyd. K. J. Turowski. T. II. Sanok, 1856. S. 977–978.*

¹² Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. T. II. Warszawa, 1846.*

¹³ Stanisłai Sarnicii. *Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum. Kraków, 1587.*

¹⁴ См. подр.: Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50; Čiurinskas M. Pergalės prie Oršos (1514) propaganda Europoje: Šaltinių apžvalga, literatūriniai ir kultūriniai aspektai // *Senoji lietuovos literatūra. T. 21. Vilnius, 2006. P. 317–344.*

¹⁵ *Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // AT. T. III: (1514–1515). Kórnik, 1853. P. 3–6.* Выражаю особую признательность Я. И. Звереву за помощь в переводе латиноязычных текстов *Acta Tomiciana*.

¹⁶ *Ibid. P. 3.*

источниках можно встретить другие цифры: 35000, 30000, 25000, 16000¹⁷. По словам С. Сарницкого, Сигизмунд I послал 2000 «*поляков добрых збройных, Литвы 12000, пехоты 3000*», т.е. всего 17000 воинов¹⁸. В одном источнике едины – литовское войско было значительно усилено «*поляками и иностранными воинами*». Таким образом, хронистами XVI в. размеры королевской армии определялись в рамках 16000-35000 человек. Наличие такого разброса оценок указывает на серьезную исследовательскую проблему.

В наименьшей степени тенденциозное изложение характерно для актовых материалов. Источником первостепенного значения данного вида являются акты Литовской метрики. По форме и содержанию они разнообразны и содержат отрывочные сведения о разнообразных моментах военной кампании 1514 г. (в том числе постановления сеймов, листы о найме жолнеров, предварительные списки ротмистров, реестры и т.д.). Особую ценность представляют «мобилизационные документы» – акты 1514 г. по земской обороне в составе неопубликованной 7-й книги записей Литовской метрики¹⁹. Отдельные выписки из этой книги публиковались в трудах М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, Е. И. Кашпровского, Н. А. Максимейко²⁰.

Несколько сохранившихся в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки актов из Радзивилловского архива, относящиеся к рассматриваемой теме, опубликовал М. М. Кром²¹. В частности, следует отметить реестры за июнь – июль 1514 г., показывающие один из этапов сбора посполитого рушения.

На основании обозначенных источников можно попытаться выделить отдельные

¹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 70; Die Schlacht von dem Kunig von Poln und mit dem Moscowiter. S. 1. [1514]; Decius I. L. De vetustatibus Polonorum... P. 90. Chronicorum Bernardi Vapovii... P. 117–123; ПСРЛ. Т. 35. С. 105.

¹⁸ Opis bitwy pod Orszą według Stanisława Sarnickiego // Wypisy Źródlowe do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. T. IV. Warszawa, 1958. S. 140.

¹⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. Всего в книге 653 листов (нумерация постраничная, всего 1298 пронумерованных страниц). См. также: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 21. М., 1915. С. 85–146 (реестры); Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской Метрики. СПб., 1887.

²⁰ Довнар-Запольский М. В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года. М., 1897. С. 23–27; Любавский М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900; Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин, 1899. С. 173–289; Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902. Приложения.

²¹ Радзивилловские акты из собрания РНБ: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI. / Сост. М. М. Кром. М.–Варшава, 2002. № 2–4. С. 25–33.

воинские контингенты и подразделения, определить примерную численность армии, выставленную ВКЛ в сентябре 1514г.

1. Наемные войска ВКЛ в битве под Оршей.

Мобилизация в ВКЛ практически всегда проводилась одновременно с призывом наемных солдат. Наемников-жолнеров (*söldner*) ценили не за количество (их, как правило, не было много), а за качество, за свой профессионализм и стойкость на поле боя. Наемные подразделения являлись важным элементом вооруженных сил ВКЛ и несли военную службу за фиксированную плату. Наемники были неплохо экипированы и отличались хорошей боеготовностью. Основными конными и пешими подразделениями являлись роты, во главе которых стояли ротмистры. Юридическим документом найма служили вербовочные листы (т.н. «*litterae servitii militaris*»), фиксирующие условия службы, размер жалования, цены на продукты и фураж.

В работах историков можно встретить различные суждения о присутствии «солдат удачи» в войсках ВКЛ – от 4000 (З. Войцеховский, К. Гурский)²² до 17000 (З. Жигульский-мл, Ю. Бохан)²³.

Но указанные цифры вызывают большие сомнения. Дело в том, что сохранилось несколько документов в Литовской Метрике и томицианских бумагах, по которым можно подсчитать наемный контингент.

Важнейшим свидетельством численности наемных войск являются решения вальных сеймов ВКЛ. На них решались все вопросы, вызванные внешней угрозой, устанавливались размеры повинностей, определялись налоги на наемные войска. Во второй половине 1513 г., на совещании с панами-радой в Мельнике и Вильно планировалось нанять огромный контингент – 10000 польской конницы и 2000 пехоты²⁴. Но к марту 1514 г., вследствие неудовлетворительного состояния скарба, было решено снизить число наемников до 7000 солдат. Именно эта цифра – *septen millia hominum* – фигурирует в послании Сигизмунда I на Петрковский сейм (*ad Convenium generalem*

²² Górski K. O rozwoju sztuki wojennej w Polsce w XV w. // Biblioteka Warszawska. 1890. T. I. S. 414; Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1946. S. 50–51.

²³ Żygulski Z. Bitwa pod Orszą. Struktura obrazu // Rocznik Historii Sztuki. T. XII. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1981. S. 85–132; Żygulski Z. Bitwa pod Orszą – struktura obrazu // Światła Stambułu. Warszawa, 1999. S. 265–290; Бохан Ю. М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. Мінск, 2004. С. 18; Ён жа. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 337.

²⁴ Любавский М. К. Литовско–русский сейм. С. 198.

Piotrkoviensem)²⁵. На уплату жалования наемникам вводился чрезвычайный налог под названием «поголовщина» или «серебщина» (с крестьян – один грош, с панов – два гроша, с урядников – один польский злотый)²⁶. В апреле 1514 г. соответствующее распоряжение о наборе наемников было послано Сигизмундом I в Польшу.

Указанное число – 7000 человек – представляет собой «верхний» возможный предел численности наемных солдат в походе 1514 г. Почти во всех случаях воинов нанимали в меньшем, чем было запланировано, количестве.

Угрожавшая Великому княжеству Литовскому опасность заставила обратиться за военной помощью к Польскому королевству. В марте 1514 г. к коронной раде было отправлено посольство Александра Ходкевича и каноника Стефана (Щепана), которое обещало подтвердить все прежние «списы» унии в случае оказания военной помощи. Коронные сенаторы объявили, что у них на службу принято больше солдат, чем необходимо для военных нужд. Интересно, что польская рада, по замечанию М. В. Довнар-Запольского, в ответах говорила «о помощи против врагов королю, но не собственно Литве, оттеняя тем персональность унии...»²⁷. На помощь королю обещали придти также рыцари-добровольцы «на свои пенези».

Итак, сколько же наемных солдат участвовало в Оршанской битве?

Известный польский историк начала XX в. К. Гурский отмечал, что в 1514 г. нанятые в Польском королевстве 9 кавалерийских и 10 пехотных рот включали в себя по 200 воинов, две пехотные роты имели по 100 воинов, а рота гетмана Яна Сверчовского насчитывала 230 воинов²⁸. Основанием для такого утверждения послужил список ротмистров, роты которых планировалось собрать к 20 мая 1514 г. в Берестье – так называемый *Rotmagistri contra Moscos conscript*²⁹. (см. табл. 1). Он был послан в Польшу 10 апреля 1514 г. Всего по этому списку насчитывалось 2263 конных и 2000 пеших солдат.

²⁵ АТ. Т. III. № XLVII. P. 45. Legatio a Sigismundo, Rege, ad Convenium generalem Piotrkoviensem, ro dominica Letare institutum.

²⁶ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 198. См. также письмо Сигизмунда I: АТ. Т. III. № III. P. 14–15. Sigismundus Rex – Consiliariis Regni Polonie. Eodem exemplo singulis.

²⁷ Довнар-Запольский М. В. Польско-литовская уния... С. 5–6, 23–27.

²⁸ Górski K. O rozwoju sztuki... S. 414; Lesmaitis G. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės samdomoji kariuomenė XV a.pab.–1570 m. Daktaro disertacija. Kaunas, 2005. S. 42.

²⁹ АТ. Т. III. № LXXIII. P. 66–67. Sigismundus Rex – Andree de Koszczelycz. Каждому конному воину обещано по 10 злотых на 3 месяца, пешим – по 6 злотых. Ротмистрам предполагалось дополнительное вознаграждение по 10 злотых за каждых 30 конников (АТ. Т. III. № LXXIV. P. 67. Sigismundus Rex – Janussio Swirczewski; АТ. Т. III. № LXXV. P. 68. Sigismundus Rex – Rotmagistris equitum et peditum.

Таблица 1.

Swirczewski equites		Spergalldt pedites			
Janussius Swirczewski	230	Starecz pedites	200	equos	V
Capitaneus Lukoviensis	200	Boboleczki	200	equites	III
Iskrziczki	200	Iskra	200	-	III
Humborgk	200	Kulhani	200	-	III
Joannes Borathinski	200	Kanya	200	-	III
Alter Borathinski	200	Suchodolski	200	-	III
Chrczonowski	200	Zebridowski	200	-	III
Vgiesdzki	200	Ziwott	200	-	III
Doluski	200	Czistowski	200	-	III
Secignewski	200	Pripieski	200	-	III
Cetrzicz	100				
Daumbrowski	100				

Но как видно из самого содержания послания, это был только проект найма – в списке ротмистров упоминаются те, которых желали видеть на службе (выделено мною – А.Л.) к установленному сроку. Это отнюдь не означает, что указанные роты вышли на службу.

Сохранились «Записи о роздаче подскарбием платы ротмистрам за наем служебных людей» от 29 апреля 1514 г., позволяющие уточнить количество наемников³⁰. Эти записи несколько отличаются от предварительного списка рот от 10 апреля 1514 г. Дворный подскарбий ВКЛ выплачивал жалование польским наемникам, которые через четыре месяца окажутся на Оршанском поле (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2.

Ротмистр	количество солдат	Выплачено злотых	Примечания
Я.Свиршовский	30	300	
староста Луковский	200	400	Еще 400 зл. выплачено ранее в Литве
Слижицкий	200	800	
Гунбурк (Гомборк)	200	800	
А.Буратинский	200	800	
Я.Буратинский	200	800	
Н.Хрещоновский	200	800	
С.Гинк (Цинк)	200	800	
Долузский	200	800	
Сецикновский	200	800	
Цетрыц	100	400	
Лушовский	100	400	Дано «на месце Дубровского»
Итого	2030	8300	

Таблица 3

³⁰ Акты Литовско–русского государства. Вып. 1: (1390–1539 гг.). М., 1900. С. 155. Ср.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. С. 1293–1294. Имя четвертого кавалерийского ротмистра в тексте не прочитывается: «...унбурк». Однако в списке от 10 апреля 1514 г. оно обозначено как Humborgk (Гумборк). См.: АТ. Т. III. № LXXIV. Р. 67. Sigismundus Rex – Janussio Swirczewski.

Ротмистр	Количество солдат	Выплачено злотых	Примечания
Бабалецкий	200	400(?)	Ранее выплачено в Вильне. Ок. 12 зл. выплачено также за 3 «коня»
Шторце	200	400 (?)	«на двесте драбов и на пять коней властных тут ничего не дано, бо у Вильны все взял»
Искра	200	400	«взял у Вильни по одному золотому, а т[ут] взял по другому, а на пять коней дано ему у Вильни»
Шымка Кулгавый (Kulhani)	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Суходольский	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Зебрыдовский	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Сивоха	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Чистовский	200	400	« на (тры?) кони взял по чотыры золотых»
Е.Пятровский	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Переменьский	200	400	«а на тры кони взял по чотыры золотых»
Итого:	2000	4000(?)	За 33 «коня» уплачено 132(?) зл.

Командир главной роты «Януш Свирцовский», указанный в записи – это сам Януш Сверчовский (Свирчевский), надворный гетман Польского королевства, староста Теребольский и Ропчицкий. Он руководил не только своей ротой и наемной кавалерией, но и осуществлял общее руководство всем польским контингентом. Списки 10 и 29 апреля 1514 г. отличаются несущественно. На смотре рота Я. Сверчовского состояла не из 230-ти, а всего из 30-ти солдат, однако жалование каждого кавалериста из гетманской роты превосходило жалование остальных в 2,5 раза (10 злотых против 4!). Поменялись и некоторые ротмистры. Вместо конных рот Угидского, Дамбровского и пеших рот Каньи и Припиского указаны подразделения Гинка, Лушовского, Суходольского и Переменского.

Пехота, получившая жалование, в скором времени выдвинулась в направлении Орши, и уже в конце мая 1514 г. имела столкновения с русскими отрядами, действующими в этом районе³¹.

Существует еще один документ, на который следует обратить внимание – письмо коронному скарбнику Андрею Костелецкому от 20 мая 1514 г., из которого следует, что литовский скарб обзавелся дополнительными финансовыми средствами. Они были израсходованы на наем восьми конных и пяти пеших рот (1600 конников и 1000 драбов) (см. табл. 4).

Таблица 4

Equites	Pedites

³¹ См. также: АТ. Т. III. № ССХ. Р. 150. Sigismundus, Rex – Stanislao de Chodecz, Marschalco Regni.

Equites		Pedites	
Gasper Maczyeyowski	200	Krzikawski	200
Nicolaus Gnoyenski	300	Borunieczki	200
Kozmirowski	200	Bistrzegiewski Oczko	200
Dambrowski	200	Rapata	200
Vyelzynski	200	Bernard	200
Gisiczki	200		
Glambowski	200		
Russyeczki	100		

В этом списке фигурируют лица, имеющие значительный боевой опыт. К примеру, неоднократно в ВКЛ нанимался на военную службу ротмистр Рапата. В реестрах пеших рот, которые стояли в замках ВКЛ еще с 1503 г., мы встречаем его имя: он командовал 171 пехотинцами и 4 кавалеристами. За службу его рота получала 350 флоринов³². В приведенном списке в качестве ротмистра снова фигурирует пан Дамбровский (*Daumbrowski* в тексте от 10 апреля 1514 г., *Dambrowski* – от 20 мая 1514 г., в литовском реестре от 29 мая 1514 г. – «Дубровский»): его хотели принять на службу еще 10 апреля 1514 г.; он же должен был прибыть со своими людьми за жалованием 29 апреля 1514 г. Но «на месце Дубровского» его получил ротмистр Луцовский, предъявивший на смотр 200 солдат.

Новый контингент наемников в составе 2600 человек должен был подойти в Берестье (*in Brzeszcze*) ко дню св. Петра и Павла (*pro festo S. Petri et Pauli*), т. е. 29 июня 1514 г.³³ Так как в великокняжеском распоряжении прописывался маршрут следования сформированного отряда, то можно почти безошибочно утверждать, что наем войска состоялся. Ротмистры предъявили заявленное количество воинов в ротах и выдвинулись на соединение с главными силами. Со слов епископа Петра Томицкого, Сигизмунд I приказал тем, кто уже прибыл в Берестье, двинуться к Минску, куда, согласно оговоренным срокам (т. е. в день св. Иоанна Крестителя – *pro festo S. Joannis Baptiste*), должно было подойти и посполитое рушенье³⁴.

Для всех наемных солдат 26 мая 1514 г. были установлены цены на продовольствие по пути следования к месту службы («как мають служебнии пожывеньє куповать, идучи дорогою»): за вола 40 грошей, за яловицу – 20, за вепря – 15, за барана – 6, за три курицы – 1, за пару гусей – 1, за копу жита старого – 6, н, за копу жита ового – 3, за копу овса – 3, за бочку овса – 5, за бочку жита – 8. Особо подчеркивалось, что наемники

³² Pietkiewicz K. Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 103–104.

³³ АТ. Т. III. № CXXXI. P. 99–100. Sigismundus Rex – Andree de Koszczelycz.

³⁴ АТ. Т. III. № LXXXI. P. 71. Petrus Tomiczki, Eps.Premislientis – Christophoro de Schidlowyecz, Castel. Sandom.

обязаны продукты питания «силою не брать и не халупить»³⁵.

Получается, что общее число наемников (6663 человек) почти совпадает с численностью, оговоренной на вальном сейме в феврале-марте 1514 г. – 7000 человек³⁶. Вряд ли роты во время военной кампании были в полной штатной численности (100 и 200 человек). Но сколько солдат было выставлено по факту, мы не знаем.

Далеко не все, кого наняли на службу, оказались в Минске к началу июля 1514 г. Сохранились письма П. Томицкого, в которых указывается на медлительность объединенных вооруженных сил. Смотр войска показал, что многие наемники остались в Берестье. 6 июля 1514 г. король был вынужден был поторопить отставших специальным листом под названием «Наемникам в Берестье» (*Stipendiariis in Brzeszcie*). Польским ротмистрам Н. Кржоновскому, Я. и А. Боратинскому со своими ротами предписывалось срочно прибыть в Минск³⁷. Позже они присоединились к королю, а один из упомянутых ротмистров – Ян Боратинский – участвовал в разгроме передового отряда москвитов в конце августа 1514 г.³⁸

Великое княжество Литовское в силу особенностей экономического развития не могло обеспечить свои вооруженные силы значительным количеством наемных подразделений даже в трудное для себя время. Постановление вального сейма о семи тысячах наемных солдат, а также последующие списки ротмистров и «вербовочные листы» позволяют считать рассуждения о присутствии 17-тысячного наемного контингента во время оршанской кампании абсолютно неверными.

2. Добровольцы из Польского королевства.

С одобрения сената Польского королевства в помощь ВКЛ предполагалось сформировать отряд из солдат, которые не были нужны для охраны границ, а также из тех, кто снаряжался на деньги королевского двора и знатными вельможами добровольно. По мнению некоторых исследователей (З. Жигульский-мл., П. Дрозд, Г. Лесмайтис), таких воинов насчитывалось около трех тысяч³⁹.

Польские источники упоминают «на войне московской гуф знатный и благородный», состоявший из представителей как великопольских, так и малопольских

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. С. 1298; Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 198.

³⁶ Надо отметить, что к похожим цифрам по наемникам пришел литовский исследователь Г. Лесмайтис – 6800 человек: Lesmaitis G. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės... P. 71.

³⁷ Ат. Т. III. № CLXXVI. P. 126. Sigismundus Rex – Stipendiariis in Brzeszcie.

³⁸ Bielski M. Kronika. S. 974.

³⁹ Lesmaitis G. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės... P. 71; Drózd P. Orsza 1514. Warszawa, 2000. S. 191.

родов. Если сопоставить все сведения, то можно определить следующих участников военной кампании: Ян Пилецкий, Николай Вольский, Мышковские, Остророги, Зарембовские, Чарнковские, Слупецкие⁴⁰. Свои хоругви привели также Петр и Станислав Кмиты, Ян, Петр и Мартин Зборовские⁴¹, Ян и Станислав Тенчиньские⁴². Всего известны фамилии десяти представителей польских родов, участвовавших в военной кампании 1514 г. Например, в Радзивилловском архиве имеется указание на отряд сохачевского старосты Николая Вольского (до 126 «коней»)⁴³.

Хоругви, выставленные польскими дворянами, могли насчитывать от 60 до 500 всадников. В их составе были гусары (*husarze*), стрелки (*strzelcy*) и копейщики (*korijnicy*)⁴⁴. На наш взгляд, следует согласиться с присутствием не более 2000 польских «добровольцев» в Оршанской битве. Так, кстати, отмечено в труде С. Сарницкого.

3. Надворная хоругвь.

Еще в 1500 г. в надворную хоругвь из Польши, Моравии и Силезии было нанято 460 «служебных». А в 1503 г. она состояла уже из 788 коней и 263 пехотинцев⁴⁵.

Но мы не располагаем точными данными относительно численности «придворной когорты» в битве под Оршей. По Томицианским актам известно, что «*над придворной когортой начальствовал Альберт Самполиньский*»⁴⁶. Самполиньский назван в тексте латинским вариантом имени Войцех⁴⁷. О нем сообщают также М. Бельский, М. Стрыйковский и другие хронисты. Сохранились сведения о снаряжении отряда из 500 «придворных дворян» во время подготовки к военной кампании, которым было

⁴⁰ Decius I. L. De vetustatibus Polonorum... P. 90.

⁴¹ Stanisłai Sarnicii Annales... P. 385; Bielski M. Kronika. S. 972. См. также: Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. I. Lwów – Warszawa – Kraków, 1923. S. 258; Spieralski Z. Jan Tarnowski 1488–1561. Warszawa, 1977. S. 67.

⁴² Spieralski Z. Jan Tarnowski. S. 67. В латиноязычных источниках встречается форма *Tancinensium* (I. Decius) либо *Tencicius* (S. Sarnicii).

⁴³ Возможно, она, а также рота «рацей» в составе 94 «коней» входила в состав «почта» городенского старосты Юрия Радзивилла. См. цитату: «*Ляхи роты Вольского: Войтех Клопотовский – 6 коней. Петр Еленский – 6 коней. Якуб Еленский – 3. Мартин Ястребский – 5. Бартош Трубицкий – 3. Станислав Пилих – 3 кони. Станислав Довгирдович – 100 коней. Отправлено с Полубенским 100 коней*» (ПИВЕ. Т. VI. С. 27).

⁴⁴ Так, в сражении при Обергине 1531 г. небольшая хоругвь В. Рокитницкого состояла из 66 «коней», а самая крупная – Я. Милецкого – из 499 «коней». Подр. см.: Spieralski Z. Kampania Obertyńska 1531 roku. Warszawa, 1962. S. 131, 150.

⁴⁵ Pietkiewicz K. Dwór litewski... S. 100–104.

⁴⁶ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4.

⁴⁷ Alberto (лат.), Adalbert (нем.), Wojciech (польск.).

выплачено фиксированное вознаграждение в размере 3 польских злотых (1 копа и 12 литовских грошей) за каждого снаряженного «коня» (это на 1 злотый меньше, чем наемникам). Примерно такая же сумма выплачивалась во времена короля Александра иностранцам, служившим в надворной хоругви⁴⁸. Таким образом, максимальное число «служебных» в королевской гвардии могло достигать 500 всадников.

4. Посполитое рушенье ВКЛ.

Основу вооруженных сил ВКЛ составляло посполитое рушенье (оборона земская), созываемое накануне военной кампании. Каждый шляхтич, имеющий земельный надел, обязан был нести военную повинность.

Подсчитать численность земского войска ВКЛ в Оршанской крайне сложно. Нарративные источники называют цифры от 12000 (С. Сарницкий) до 16 000 человек (И. Деций, М. Стрыйковский).

При подсчетах необходимо учитывать ряд моментов: 1) мобилизационные нормы, действующие в 1514 г., 2) акты канцелярии Сигизмунда I о созыве посполитого рушенья, 3) темпы сборов войска и, наконец, 4) военные мероприятия накануне выступления к Орше. Предлагаемая методика подсчета численности литовской армии основана на поэтапном анализе этих четырех факторов. важно решить следующие задачи: выяснить, какие области затрагивала окружная грамота о созыве посполитого рушенья; обозначить максимальный предел войска, так называемую его «рамочную численность»; определить отдельные моменты и этапы, касающихся темпов сборов войска; подсчитать примерное количество воинов в посполитом рушеньи ВКЛ.

Попытка урегулировать военную службу с земских имений на общих основаниях была предпринята еще в 1502 г., когда на сейме в Новгороде великий князь Александр совместно с панами-радами и прелатами установил норму – 1 ратник *«в зброе, на коне и с древцом»* с 10 служб (т. е. с 20-30 крестьянских дворов). На Виленском сейме 1511 г. было решено, что один всадник должен выставляться не с десяти служб, а с десяти «дымов»: *«изъ своих именей выправляли з десяти дымов пахолка на кони в зброи з древцом; и естли бы то всим вашей милости виделося трудно, ино бы зъ десяти служобъ два молодцы – конно, збройно»*⁴⁹.

Известна окружная призывная грамота Сигизмунда от 24 мая 1514 г. о выступлении в поход на помощь Смоленску. В грамоте отмечалось, чтобы все *«были*

⁴⁸ Pietkiewicz K. Dwór litewski... S. 97; Lesmaitis G. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės... S. 31.

⁴⁹ ДМАМЮ. Т. I. М., 1897. С. 507; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. С. 396–400.

*наготову на службу нашу на войну, и держали кони сытыми и зброи чистыми*⁵⁰. В ней указывался и срок, к которому должно прибыть земское ополчение: «...кождый со своим поветом, тогож часу, ничего не мешкаючи на кони восседали и до Менска тягнули, на рок, на день святого Ивана».⁵¹ Грамота была направлена «до князей, земян, бояр и панов» перечисленных поветов. Сам великий князь выехал к месту военных сборов «месеца июля двадцать второго дня в субботу за неделю перед спасовыми запусы»⁵².

Однако в «Актах Западной России» эта грамота из книги записей № 7 Метрики ВКЛ была опубликована с сокращениями. Публикатор И. Григорович опустил одну из важных составляющих данного документа – адресатов (к грамоте был приложен реестр лиц, кому посланы листы)⁵³. Между тем эта деталь является важнейшей – по адресатам можно сделать вывод, что призыв на земскую службу касался далеко не всех земель ВКЛ. Итак, перед нами первый известный акт канцелярии ВКЛ по созыву земского ополчения.

Если сравнить список адресатов с именами должностных лиц, то можно выявить командиров отрядов-«почтов», которые должны были явиться на сбор. С земель ВКЛ предполагалось собрать хоругви следующих областей (в скобках указаны должностные лица на тот момент): Виленского воеводства⁵⁴ (воевода Николай Николаевич Радзивилл), Гродненского и Ковенского поветов⁵⁵ из Троцкого воеводства⁵⁶ (воевода и надворный маршалок Григорий Станиславович Остикович), Жемайтской земли (староста Станислав Янович Гаштольд), Волынской земли (маршалок Константин Иванович Острожский), Дорогичинского и Бельского поветов из Подляшского воеводства⁵⁷ (витебский и подляшский воевода Иван Семенович Сапега), Берестейского повета (берестейский староста Юрий Иванович Ильинич), Владимирского повета (владимирский староста Андрей Александрович Сангушко), Новгородского повета (воевода Ян Янович Заберезинский), Каменецкого повета (князь Семен Чарторыский)⁵⁸, Городенского повета

⁵⁰ АЗР. Т. II. СПб., 1848. С. 114.

⁵¹ Там же. С. 115. День св. Иоанна Предтечи – 24 июня.

⁵² ПСРЛ. Т. 35. С. 126; АТ. Т. III. № ССХХ. Р. 157–158. Минские письма Сигизмунда датируются 26 июля.

⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. С. 537–538. См. также: Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства... Приложения. С. 39–40; Кашпровский Е. И. Борьба Василия III... С. 225–226, прим. 2.

⁵⁴ «Листы два по виленским двором, один по ошменской стороне, другой по завелской» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 7. С. 537–538).

⁵⁵ За исключением Троцкого и Упитского поветов.

⁵⁶ «По троцким двором два листы – один по немонским двором, а другий по другой половине к Ейшишкам» (Там же).

⁵⁷ За исключением Мельникского повета.

⁵⁸ «Лист до князя Семена Чорьторыского и до всего повета каменецкого» (Там же).

(воевода Юрий Николаевич Радзивилл «Геркулес»), Минского повета, Пинского княжества (пинский князь⁵⁹ Федор Иванович Ярославич).

Кроме всего прочего, своих воинов должны были прислать княгини Александрова и Слуцкая, митрополит Иосиф II Солтан, князья Свирские и Гедроцкие, князь Федор Чарторыйский, князь Юрий Дубровицкий, князь Юрий Зенович, князь Федор Жославский. В отношении двух последних князей имеются особые указания: Жославскому предписывалось лично прибыть в Минск (*«абы до Менска ехал»*), а пан Зенович с отрядом должен был находиться на южном направлении (*«абы до Могилева ехал»*).

В этом реестре обращает на себя внимание выборочность земель ВКЛ. В адресатах отсутствуют Мстиславское княжество, Подолье, Киевское, Полоцкое, Витебское и Смоленское воеводства. Почему окружная грамота затронула не все земли, не всех должностных лиц ВКЛ?

Дело в том, что к маю-июню 1514 г. часть населения некоторых приграничных поветов уже поднялась на защиту собственных территорий. К примеру, Смоленская и Витебская земля готовились своими силами к обороне. Назначенный полоцким воеводой Альберт Гаштольд со своим отрядом действовал у Великих Лук, где имел стычки с русским сторожевым полком Петра Елецкого⁶⁰. Отряды из Киевского и Подольского воеводств должны были прикрывать южное (татарское) направление на случай резкого изменения внешнеполитической обстановки.

В ряде документов первой половины XVI в. сохранились свидетельства о количестве воинов, которое могли выставить города ВКЛ. В свое время М. Довнар-Запольским были обнаружены и опубликованы две интересные росписи. Документы не имеют датировки, но можно предположить, что они составлены в 1512-1513 гг., и, по крайней мере, имеют непосредственное отношение к военным приготовлениям того времени. Издатели книги № 8 Метрики ВКЛ датируют документы примерно 1512 г.⁶¹ За короткой преамбулой *«З мечь Великого князства, што мають на войну посылати»* перечислены 23 города, которые должны были выставить 1173 вооруженного всадника. Интересен и второй документ, идущий сразу за первым – *«Роспись поборов с городов, которые освобождены от военного похода»*. В нем упоминаются 29 населенных пунктов. В актах указано, сколько мог выставить на войну тот или иной город – например, с

⁵⁹ *«Лист до князя пиньского»* (Там же).

⁶⁰ Гудаевичус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. Т. I. М., 2005. С. 527.

⁶¹ АЛРГ. Т. I. М., 1899. С. 152–154; LM. Kn. 8: (1499–1514) / Parengė Algirdas Baliulis, Romualdas Firkovičius, Darius Antanavičius. Vilnius, 1995. P. 463–464.

Вильно до 500 конников, с Ковно – 50, с Бельска – 50, с Менска – 20 и т. д.

Единственный сводным документом, в котором указана основная часть вооруженных сил Великого княжества Литовского первой трети XVI в., является «попис» (перепись) войска ВКЛ 1528 г.⁶² Группа переписчиков объезжала имения державцев и собирала все сведения относительно «маемости» каждого человека.

Термин «повет» в актах того времени применялся к различным территориально-административным единицам⁶³. Хоругви существенно различались между собой. Например, 189 бояр Городенского повета в 1528 г. выставляли 243 конника, 106 земян Берестейского повета – 165, 34 шляхтичи Менского повета – 79 и т.д. Наибольшее число воинов выставляли Виленское (3605 человек) и Трокское (2861 человек) воеводства, Подляшье (1747 человек), а также Жемайтская земля (из 24 волостей – до 1839 «коней»)⁶⁴.

По самым оптимистичным прогнозам численность посполитого рушения, включая «почты» радных панов, магнатов и князей⁶⁵, могла достигать 14000-16000 человек⁶⁶. Эту цифру следует считать «мобилизационным максимумом». В реальности численность армии была меньше за счет не явившихся по разным причинам, уклонившихся от службы, оставленных в гарнизонах или посланных в другие районы.

Рассмотрим сейчас ход самих военных сборов.

К 15 июня 1514 г., т. е. за неделю до окончания срока сборов, желудский

⁶² Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. / Падр. А. Груша, М. Спірыдонаў, М. Вайтовіч. Мінск, 2003. К указанной в «пописе» численности войска следует относиться с большой осторожностью. С одной стороны, уже через четыре года на Виленском сейме 1532 г. шляхта заявила, что невозможно выезжать на войну с указанными в реестре 1528 г. «почтами», так как *«мало не половицу того почту померло»*. С другой стороны, согласно исследованию Валерия Менжинского перепись 1528 г. охватывала не все регионы ВКЛ, т. е. данные «пописа» являются неполными (Менжинский В. С. Структура феодального землевладения Великого княжества Литовского (По материалам Переписи войска 1528 г.) // История СССР. 1987. № 3. С. 165–166). Кроме того, данный реестр определяет размеры войска ВКЛ вне зависимости от боеспособных качеств армии, от конкретных проблем при созыве посполитого рушения в случае начала войны и т. д.

⁶³ Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 77.

⁶⁴ Подсчитано по: Перапіс войска...

⁶⁵ По «попису» 1528 г. радные паны выставляли до 3947 человек. Примерно столько же (до 4000 человек) и было оставлено при Сигизмунде I в Борисове 30 августа 1514 г.

⁶⁶ Всего «попис» 1528 г. перечисляет до 19800 человек. По подсчетам Тадеуша Корзона, в 1529 г. армия ВКЛ насчитывала 24446 человек (Korzon T. Organizacja wojskowa Litwy w okresie Jagiellońskim // Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. T. II. Wilno, 1908. S. 86). Примерно такую же цифру (20000–25000 человек) приводит Людвик Колянковский (Kolankowski L. Zygmunt August, wielki książę Litwy do roku 1548. Lwów, 1913. S. 109–110).

державца князь Василий Полубенский явился со своим почтом в 50 всадников⁶⁷ и одним из первых с отрядом в 511-526 человек (в том числе 94 «рацея» и 100 «ляхов Вольского» и 100-115 драбов) выдвинулся в район боевых действий⁶⁸. Другой «дворянский реистр» датирован также 15 июня 1514 г. и был принесен «от пана Яна, маршалка земского з Вилни» (имеется ввиду, скорее всего, Ян Николаевич Радзивилл). В нем перечислены 518 «коней»⁶⁹.

Важным свидетельством низких темпов сбора войска для нас является еще один реестр, составленный 18 июля 1514 г. Он перечисляет всего чуть более 1200 человек⁷⁰. Спустя почти месяц после окончания срока сборов посполитое рушение, за исключением небольших почтов, так и не собралось.

Указанные документы Радзивилловского архива отражают лишь один из этапов сбора армии ВКЛ. До начала ее выдвижения навстречу русским войскам оставалось еще почти полтора месяца – посполитое рушение могло собираться весь июль и август 1514 г. Следовательно, за этот срок численность вооруженных сил могла возрасти в несколько раз за счет прибытия новых ополченцев.

Однако ни один документ этого не подтверждает. Мы встречаемся с привычной для XVI в. ситуацией, когда в военный лагерь прибывала небольшая часть ополчения (так было в 1512-1513 гг., во время Стародубской войны 1534-1537 гг.⁷¹ и в период Ливонской войны в 1563-1570 гг.⁷²). За первую половину XVI в. шляхта ни разу не прибывала к месту сбора в точно установленный срок и в полном составе. Имелись случаи и уклонения от службы, и значительных опозданий, несмотря на принятое решение строгого наказания нарушителей закона⁷³. Некоторые города освобождались от тягот военных кампаний путем уплаты определенных денежных сумм (см., например, уже упомянутую «роспись поборов с городов, которые освобождены от военного похода» 1512 г.).⁷⁴ Многие могли

⁶⁷ Интересно отметить, что по переписи 1528 г. он выставлял 43 всадника.

⁶⁸ ПИВЕ. Т. VI. С. 26–27; АТ. Т. III. № ССХ. Р. 149. Sigismundus Rex – Stanislao de Chodecz.

⁶⁹ ПИВЕ. Т. VI. С. 31. Интересно, что в документе присутствуют небольшие отряды с тех земель, которые изначально призыв не затрагивал. Так, в «дворянских реистрах» фигурирует полочане (до 300 человек) и смоляне («сто и 15 ч(е)ловеков пеших смолян»). Последние, очевидно, в момент осады Смоленска находились на службе вдали от крепости.

⁷⁰ ПИВЕ. Т. VI. С. 28–33.

⁷¹ Кром М. М. Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 29–30.

⁷² Янушкевич А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 118–270.

⁷³ «Хто бы службы наше и року умешкал, тогда тыи мают караны быти шиями и именьи» (АЗР. Т. II. С. 114–115).

⁷⁴ «Што з месьць брано отъ войны, ижъ имъ неказано ехати».

отсутствовать на основании великокняжеских «вызволненных листов». И, наконец, часть армии не пошла с К. И. Острожским, а осталась с Сигизмундом I в Борисове (см. об этом ниже).

Подтверждают очень низкую (выделено мной – *А.Л.*) явку на сборы письма Перемышльского епископа Петра Томицкого и Сигизмунда I, датируемые 18-26 июля 1514 г.⁷⁵ Отметим, что эти письма написаны спустя месяц после окончания срока сборов. В них указывались такие негативные качества, как медлительность и лень шляхты. Явно раздраженные нотки в данных посланиях могут служить подтверждением того, что численность посполитого рушения существенно не возросла к концу августа 1514 г., когда войско ВКЛ выдвинулось к Орше.

Итак, нет никаких оснований считать, что в составе посполитого рушения выступило 14000-16000 человек – т. е. весь мобилизационный максимум. Наоборот, при пристальном анализе документальных материалов вырисовываются очень низкие показатели сборов.

Помимо боевых частей, в походном войске присутствовало большое количество прислуги – т. н. «обозная челядь». Но ее численность нам неизвестна, подсчитать даже приблизительное ее количество не представляется возможным. В разных исследованиях состав обоза определяется от 2000 до 16000 телег⁷⁶.

В войске присутствовали небольшие саперные подразделения под руководством Яна Башты⁷⁷, которым позже удалось соорудить переправу через Днепр – понтонный мост шириной не менее 3 метров.

На знаменитой картине «Битва под Оршей», которую часто называют «энциклопедией вооружения», в центре перед строем пехоты показаны одиннадцать пушек-серпантин. Еще две пушки нарисованы в засаде в ельнике. Кроме того, на переднем плане (на мосту) есть изображение большой пушки-кулеврины калибром до 200 мм⁷⁸, что может свидетельствовать о применении в полевом сражении тяжелых орудий. Тем не менее использование крупнокалиберных кулеврин находится все же под сомнением: когда после битвы К. И. Острожский пошел на Смоленск, при нем не было

⁷⁵ Напр.: АТ. Т. III. № ССІ–ССІІІ. Р. 145–149. См. также: Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 201.

⁷⁶ Zivier E. Neuere Geschichte Polens. Bd. I. Gotha, 1915. S. 138; Ярушевич А. Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский (1461–1530) и православная литовская Русь в его время. Смоленск, 1896. С. 135. См. также: Strykowski M. Kronika... Т. II. Warszawa, 1846. S. 385.

⁷⁷ Kamiński A. J. Dwa świadectwa rycerskich zasług mieszczanina żywieckiego Jana Baszty // Gronie. 1938. № 8. S. 194–196.

⁷⁸ Nowak T. Uwagi o technice budowy mostów polowych w Polsce w XV–XVII w. // Studia i Materiały do Historii Sztuki Wojennej. Т. II. Warszawa, 1956. S. 360

«стрельбы великой», т. е. больших орудий⁷⁹.

На гравюре из хроники М. Бельского изображены три длинноствольных орудия – очевидно, те самые фельдшланги⁸⁰. Но количество артиллерийских орудий и прислуги, задействованных в сражении, подсчитать практически не возможно. Никаких упоминаний о сборе артиллерии в 1514 г. нет. Можно лишь для сравнения отметить, что во времена великого князя Александра в полевом войске насчитывалось до 20 орудий⁸¹. В любом случае число саперных и артиллерийских подразделений вряд ли превышало несколько сотен человек.

Если учитывать почты радных панов и магнатов (некоторые отряды знатных вельмож могли насчитывать по несколько сотен солдат), не фигурировавших в сохранившихся реестрах 1514 г., то ориентировочные вычисления показывают, что в Борисове к 30 августа 1514 г. могла собраться в самом лучшем случае половина от мобилизационного максимума – не более 7000-8000 человек земского ополчения ВКЛ.

Таким образом, верхний предельный размер объединенной армии в 1514 г. мог быть примерно следующим:

Польский контингент и наемное войско:

— до 6663 наемных солдат (из них 3000 пехоты)

— до 500 человек в надворной хоругви В. Самполинского

— до 2000 добровольцев во главе с Я. Тарновским

Посполитое рушенье:

— до 8000 человек (поветовые хоругви, почты радных панов и магнатов).

Всего на смотре под Борисовом могло присутствовать до 16000 человек. Необходимо также учитывать тот факт, что из этого числа при Сигизмунде I осталось не более 4000 солдат – радные паны и их почты. В битве они не участвовали. Об этом мы узнаем из писем Якоба Пизона (от 26 сентября 1514 г.)⁸² и сочинения С. Гурского⁸³. Следовательно, максимальное количество воинов на Оршанском поле могло всего составить до 12000 человек.

Кроме вышесказанного, следует привести косвенные доказательства того, что размер объединенной армии не был таким, каким его описывали хронисты XVI в. Приемы

⁷⁹ Bielski M. Kronika. S. 977.

⁸⁰ Ibidem. S. 412.

⁸¹ Бохан Ю. М. Вайсковая справа... С. 337.

⁸² АТ. Т. III. № CCXLVI. P. 204. Epistola Pusonis, Legati Apostoloci, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscis.

⁸³ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–6.

«военной логистики» позволяют подтвердить наше предположение о небольшом размере армии ВКЛ в Оршанской битве.

Так, накануне сражения основной части польской кавалерии удалось *«за три часа весьма быстро переправиться на другую сторону и построится в боевой порядок»*⁸⁴. Не стоит лишний раз объяснять, что перейти по броду и по понтонному мосту за такое короткое время большим массам конницы и пехоты совершенно невозможно.

В официальном описании кампании 1514 г. говорится следующее: *«Предводитель князь Константин Острожский, который победил в 36 схватках, был главнокомандующим королевского войска, Георгий Радзивилл возглавлял литвинов, Януш Свирчевский – поляков, а придворной когортой начальствовал Альберт Самполинский. Добровольцы из поляков, молодежь из знатных семей, а также наемные воины встали в первые ряды, литвины на правом крыле, поляки и королевские придворные на левом, а пехота и бомбарды были собраны вместе»*⁸⁵. Фактически такую же диспозицию рисуют другие хроники: князь К. И. Острожский земское ополчение ВКЛ *«на правый фланг поставил», «пушки и другую стрельбу справно расставил»*. Заняли свое место также *«несколько рот с навезами»*, жолнеры и господские почты⁸⁶. Получается следующая диспозиция: войско ВКЛ на правом фланге возглавил Ю. Радзивилл «Геркулес». В центре встали ротмистр Спергальдт со своей пехотой и конные наемные роты Я. Свирчевского. Он же возглавил все польские соединения. Левый фланг состоял из хоругвей польских рыцарей-добровольцев («гуф знатный» Я. Тарновского) и надворной хоругви под командованием В. Самполинского. Но почему-то в ряде изданий, в частности в коллективном труде Варшавского военно-исторического института литовские войска по какой-то причине показаны на левом фланге, а польские – на правом⁸⁷. Данная схема присутствует и в нескольких современных польских работах⁸⁸. На наш взгляд, она не подтверждается основными источниками.

Сам факт того, что польские добровольцы и наемники заняли основную часть боевого построения – и центр, и левый фланг (их общая численность насчитывала до 8000-9000 человек), а литвины находились лишь на правом фланге, свидетельствует о том, что последних, с учетом оставленных в Борисове, не могло быть более 4000 человек.

⁸⁴ // АТ. Т. III. № CCXLVI. P. 204. Epistola Pusionis, Legati Apostoloci, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscis

⁸⁵ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–5.

⁸⁶ Strykowski M. Kronika... S. 380

⁸⁷ Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864. T. I. Do roku 1648. Warszawa, 1965. S.3 32.

⁸⁸ Drózdź P. Orsza 1514. S. 196–197; Bitwa pod Orszą 08.09.1514 // Rzeczpospolita. 2006. № 4/20. S. 13.

Здесь следует отметить, что местность, занимаемая правым флангом, изобилует естественными преградами – оврагами и ельниками⁸⁹. Именно в ельнике К. И. Острожский и устроил артиллерийскую засаду, которая во время битвы внесла смятение в ряды русских воинов. Ее действие в узком дефиле на правом фланге отмечено в летописях: «...а место пришло тесно, и биша из лесов (подчеркнуто мной – А.Л.) *великого князя людей, и убиша ис пушки в передовом полку воеводу князя Ивана Ивановича Темку Ростовского*»⁹⁰. На Оршанском поле в силу топографических особенностей не могли разместиться огромные массы конницы.

После битвы К. И. Острожский не пошел сразу за отступающим противником – преследование ограничилось берегами реки Крапивна. Князь двинулся к Смоленску лишь после получения «подкрепления в 4000 воинов» от Сигизмунда I из Борисова⁹¹. Всего к крепости выдвинулось 6000 человек. То есть из состава полевого войска ВКЛ, участвовавшего в битве, с К. И. Острожским пошло не более 2000 человек. На поле сражения с трофеями остались часть посполитого рушения, наемные солдаты и польские добровольцы. Свидетельства современников, в частности, Я. Пизона, в очередной раз служат доказательством предположения о более скромных размерах полевой армии ВКЛ в 1514 г.

Вполне закономерен вопрос – откуда же взялись сведения нарративных источников о 25000 – 35000 воинах? Очевидно, здесь мы сталкиваемся с отголосками пропагандистской деятельности королевской канцелярии. Рассказывая о разгроме «Москвы», численность которой «всем известна» (80 тысяч), необходимо было продемонстрировать европейцам (в том числе и потенциальным противникам, к примеру, тевтонскому магистру) грандиозность сражения, показать сильную духом армию короля, сплоченную общими интересами и ненавистью к тьмочисленным варварам. Вообще, в публицистике тех лет отсутствует какая-либо целостная картина польско-литовской армии. Даже в своих письмах и посланиях Сигизмунд I не придерживался единых цифр. Они брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять тем или иным сведениям, вышедшим из под пера королевской канцелярии с одной целью –

⁸⁹ На картине «Битва под Оршей», написанной в 1530–х гг., присутствуют топографические реалии: на правом фланге показан еловый перелесок, в котором находится князь Константин Острожский, отдающий приказ укрытой артиллерии.

⁹⁰ ПСРЛ. Т.13, 1–ая пол. СПб., 1904. С. 21; В Синодик Успенского собора внесена запись: «*Князю Ивану Ивановичу Ростовскому Темке, убиенному от Литвы под Оршею, вечная память*» (Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788. Ч. VI. С. 463).

⁹¹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5–6; Epistola Pusonis...P. 204.

произвести грандиозное впечатление⁹².

Таким образом, мы полагаем, что заявленная в нарративных источниках численность польско-литовской армии в 30000-35000 человек является завышенной как минимум в 2-2,5 раза. По своим размерам Оршанская битва, конечно же, была крупным сражением – она вошла в историю как «Великая битва». Однако силы противодействующих сторон были значительно меньше тех цифр, которые указаны в сочинениях XVI в. Анализ «мобилизационных» документов и состава военных подразделений (наемных жолнеров, добровольцев из Польского королевства и посполитого рушения ВКЛ) приводит к убеждению, что максимальный размер объединенной армии, выставленной 8 сентября 1514 г. на Оршанском поле, мог достигать 12000 человек. Им противостояло приблизительно такое же число русских воинов⁹³. Победа в упорном сражении досталась лучше вооруженной и тактически подготовленной стороне.

⁹² Так, число пленных московских дворян в разных хрониках и реляциях увеличивается с 380 до 2000 человек, а убитых с 16 000 до 40 000. Количество трофейных коней варьируется от 5000 до 20 000.

⁹³ Методика подсчета, основанная на компаративистском анализе списков русских пленных, родословцев, летописей и разрядных книг была предложена в ходе дискуссии, организованной в рамках журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. № 1/2. 2009. Большинство участников (Б. Дэвис, В. В. Пенской, А. И. Папков, а также главный оппонент М. М. Кром) находили предложенные нами аргументы «весьма ценными и убедительными».